

В.П. Васильев

**Об отношениях китайского
языка к среднеазиатским**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
В11

В11 **В.П. Васильев**
Об отношениях китайского языка к среднеазиатским / В.П. Васильев – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 46 с.

ISBN 978-5-518-06168-2

ISBN 978-5-518-06168-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

подходить, въ этомъ случаѣ, къ китайскому: *тово* — находи, *таво* — намерѣ, *паво* — прибыль, *навѣ* — опустился, *чукъ*, *чжукъ*, *вишукъ*, и т. д. вотъ что я называю внутреннею жизнью.

Если на моносиллабическіе языки смотрѣть, хоть не какъ на остатки древнѣйшаго человѣческаго слова, а какъ на памятники, по которымъ можно возвыситься до сужденія объ этомъ словѣ, слѣдовательно, какъ на краеугольный камень филологін, то мы находимъ, что осмысленнаго изученія моносиллабическихъ языковъ никто еще и не начиналъ. Никто не станетъ отрицать, что китайскій языкъ, въ средѣ этихъ моносиллабическихъ языковъ, представляетъ матеріалъ самыя древніе; между тѣмъ филологія его обходитъ и исключаетъ изъ своей среды; а что сдѣлали до сихъ поръ специалисты синологін? Догадались ли они разобрать древнія книги и указать въ нихъ варианты различныхъ нарѣчій, давшихъ различныя отбѣнки древней письменности? Разработали ли они существующія по нынѣ китайскія нарѣчія? Обратили ли вниманіе на скрывающіеся въ одномъ и томъ же словѣ различныя корни? Подиѣтили ли даже, какъ мы сейчасъ указали, на скрывающійся въ двухъ словахъ одинъ и тотъ же корень (*юу* и *кюанъ* — собака, *цзянь* и *и'ланъ* — видѣть)! Кто подумалъ о сравненіи корней китайскаго языка съ санскритскимъ? А между тѣмъ, можетъ-быть, какъ и предполагаю (на сколько мнѣ извѣстенъ санскритскій), эти корни общіе; по той же методѣ, по которой я въ этой статьѣ разбираю отношеніе китайскаго языка къ среднеазіатскимъ, можно отыскать объясненіе флексій, суффиксовъ, префиксовъ и даже синтаксическихъ уклоненій, по крайней мѣрѣ, въ арійскихъ языкахъ.

Слѣдовательно, для филологін, чтобы представить языки въ ихъ общей связи, сказать рѣшительно послѣднее слово, былъ ли языкъ одинъ или нѣтъ, хоть въ той части свѣта, въ которой мы живемъ, еще много предстоить работы. Чтобы возбудить эту работу, указать на ея важность и выискать возможность сличенія тамъ, гдѣ мы и не ожидали, мы и прибѣгаемъ въ настоящей статьѣ къ этому опыту.

Я понимаю, что не удовлетворить вполне мой трудъ филологамъ; имъ покажутся, можетъ быть, странными мои филологическіе взгляды: потому я и спѣшу оговориться, что выражаю здѣсь не какіе-нибудь общіе выводы для языка, или что то же самое, для всѣхъ языковъ. Нѣтъ, я выражаю здѣсь только тѣ понятія, которыя составились сами собой, своеобразно, при большемъ или меньшемъ знакомствѣ съ двумя моносиллабическими, тремя приставочными и нѣсколькими флексив-

ными языками въ общей связи этихъ трехъ группъ. Жалѣю, что время не позволило мнѣ ознакомиться съ трудами другихъ ученыхъ, но еще болѣе сожалѣю о томъ, что за вдумываніе, которое внесъ и въ двѣ первыя группы языковъ—моносиллабическую и приставочную, принялся очень поздно и не могъ посвятить себя всецѣло его работѣ. Да, я напередъ долженъ оговориться, что въ настоящихъ замѣчаніяхъ не должно видѣть всесторонне прослѣженнаго труда, на который употреблено было много времени на изысканія; для этого въ настоящее время нѣтъ и не было никакой возможности; да если бы я и имѣлъ время, то конечно, и настоящихъ замѣчаній не имѣлъ бы возможности изложить, такъ какъ разработка китайскихъ корней требуетъ цѣлой жизни. Китайскій языкъ и его литература требуютъ такого разнообразнаго труда, что одному человеку нельзя во всемъ равно успѣть, а между тѣмъ, чѣмъ больше изучаешь, тѣмъ болѣе выступаютъ все новыя и новыя вопросы, которые имѣютъ притягательную силу, и которыхъ хотѣлось бы коснуться. Отъ этого-то я не могъ посвятить себя филологіи всецѣло; потому что мнѣ надобно было быть и историкомъ; я не историкъ, потому что мнѣ нужно быть и географомъ; я не географъ, потому что надо знать литературу; я не историкъ литературы, потому что нельзя не коснуться религій; я не богословъ, потому что долженъ быть и антикваріемъ....

Извѣстно, что я коснулся въ моей ученой дѣятельности всѣхъ этихъ предметовъ, и потому отъ меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякій занимается тѣмъ, къ чему способенъ, и я гораздо болѣе считаю для себя и для настоящаго времени почетнымъ—внести въ науку одну или двѣ свѣжія идеи, которыя расшевелили бы ее, чѣмъ дарить тяжеловѣснымъ специальнымъ трудомъ, который, въ свое время, при развитіи науки, окажется все-таки ученою игрушкой.

Языки маньчжурскій, монгольскій и татарскій поражаютъ насъ не столько взаимнымъ сходствомъ словъ, сколько своимъ грамматическимъ единствомъ; если приставки и различны по корню, то въ каждомъ языкѣ каждая приставка почти всегда равносильна соответствующей приставкѣ другого, и притомъ количество и употребленіе ихъ во всѣхъ трехъ языкахъ почти одинаковы.

Но еще болѣе поражаетъ насъ сходство синтаксическое; для того чтобы перевести съ одного языка на другой, переводъ чисто под-

срочный будетъ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ. Конечно, въ турецко-татарскомъ, какъ болѣе подвергшемся вліянію западныхъ флексивныхъ языковъ, найдутся уклоненія, но они едва-ли значительны.

Однакожь, если мы знаемъ, что арабскій языкъ, при всемъ своемъ вторженіи въ языки народовъ, исповѣдующихъ магометанство, не могъ измѣнить нѣзтимологическаго склада, что, не смотря на общензлѣстное давленіе китайскаго языка на японскій, послѣдній, забывъ почти совсѣмъ свои слова, удержалъ собственные этимологию и синтаксисъ, то должны заключить а priori, что или когда-то и гдѣ-то на языки взятые нами было черезъ-чуръ самое сильное давленіе какаго-нибудь посторонняго, или воѣ они суть развѣтленія одного и того же языка.

Я долженъ напередъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой статьѣ обращаю болѣе вниманія на подлѣченные мною отношенія къ китайскому языку маньчжурскаго; а не другихъ. Дѣйстви-тельно, въ свое время монгольскій и татарскій языки были первыми изъ восточныхъ, которые я началъ изучать; монгольскій языкъ былъ постоянно употребляемъ мною въ продолженіи десяти лѣтъ въ Пекинѣ, потому что у меня не переводились знакомые изъ Монголовъ, а одна-кожь, я не могу говорить и теперь о монгольскомъ того, что скажу о маньчжурскомъ; а можетъ-быть, говоря объ отношеніяхъ монгольскаго языка къ китайскому, нашлось бы сказать еще болѣе; то же самое, можетъ-быть, пришлось бы повторить и о татарскомъ, и о тибетскомъ, который я изучалъ всего болѣе. Однакожь скажутъ, что и до меня въ Россіи и въ Европѣ было много лучшихъ знатоковъ маньчжурскаго; почему же никто изъ нихъ до сихъ поръ не говорилъ того, что я буду говорить. Но вѣдь еще чуть ли и нынѣ, всѣмъ и каждому не запрещается учеными филологами касаться китайскаго языка, какъ исключительнаго, не имѣющаго никакой связи съ другими языками, живущаго какою-то особенною, не подходящею подъ общіе законы человѣческой рѣчи, жизнью. Что же мудренаго, что полагаясь на рѣшительный тонъ ученихъ, и я, подобно мѣщанину Мольера, не знавшему, что онъ говоритъ прозой, никогда не подумалъ бы о сравненіи маньчжурскаго или какаго бы то ни было среднеазіатскаго языка съ китайскимъ, если бы мнѣ не пришлось преподавать долгое время китайскій языкъ совмѣстно съ маньчжурскимъ. Разбирая при преподаваніи маньчжурскія слова, я, естественно, гдѣ была очевидность, указывалъ на сходство маньчжурскаго языка съ китайскимъ; затѣмъ болѣе и болѣе расширялъ эту очевидность и отъ нея переносился къ болѣе отдаленнымъ формамъ. То, что я буду говорить здѣсь, это

уже остатокъ отъ воспоминаній, очень твердо вѣзавшійся въ моей памяти. Я не прибѣгаю ни къ какимъ даже справкамъ; но если мои предположенія покажутся при всемъ этомъ вѣроятными, то изысканія будущихъ ученыхъ могутъ собрать на этомъ же поприщѣ только еще болѣе новыхъ фактовъ изъ той же категоріи.

Эндурингъе локима гуанди эчжэнь и кэши шаминатань мань-амилъ юйдамэ алимэ гайра ба мурунь боой биката дансэ дэ эчжэнь ба — о милостяхъ и наградахъ, полученныхъ въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ августѣйшаго и милосердаго монарха, записано въ государствен-ныхъ актахъ.

Кто въ этихъ словахъ маньчжурскаго языка, который нѣкоторые дерзкіе пытались сравнивать по благозвучности съ греческимъ, можетъ подозрѣвать какое-нибудь родство съ тонкимъ, птвичьимъ китайскимъ? И однакожь, какъ мы увидимъ, эта довольно длинная фраза принадлежитъ всецѣло китайскимъ корнямъ. Но если бы мы вздумали объяснять каждое изъ приведенныхъ адѣсь словъ отдѣльно, то насъ, конечно, могли бы заподозрить въ пристрастіи, въ натяжкѣ; поэтому мы и не займемся частностями, а постараемся эти частности включить въ формы, приведенныя въ систему, такъ что приведенныя сейчасъ слова маньчжурскаго языка всѣ можно отыскать ниже въ курсивѣ.

Въ маньчжурскомъ языкѣ есть много словъ односложныхъ, сходныхъ или буквально, или съ нѣсколькими, очень понятными измѣненіями, съ китайскими: моо (к. му) дерево, *дэнь* (дань) зала дворцова-ая, боо (кит. у, ву, тат. ау, монг. гэръ отъ кит. гіа, цзя) домъ, *цзюй* (цзы) сынъ, *босо* (бу, ми. бусъ) холстъ; дао (м. дэгуу—о наростахъ будетъ говорено ниже) отъ кит. *ди* младшій братъ, *яфань-тань* садъ; *су-мби* к. *су* и *шу* распутывать, объяснять, *хафань* отъ *гуань* чиновникъ, *вэ* (кит. хэ, монг. хэнь, турец. кэмъ), кто, *цзимби* приходить (кит. цзинь), *суй* (к. цзуй) вина, *юйдамби* продолжаться (к. го долго, давно), *гаймби* братъ (кит. кюй, цюй; отсюда тат. куль, монг. каръ, маньчж. *гала*—рука), *сайнь*, кит. *шань* или *сянь* хорошій. При этомъ замѣтимъ только одно, что буква *цз* въ маньчж. постоянно переходитъ въ *с*, только слова *цзюй* (чжуй), *цзимби* (чжимби) не подходятъ подъ это правило. Они, должно быть, читались сначала вмѣсто *цз* чрезъ *чж*, или можно допустить, что въ одне время маньчжурскій языкъ допускалъ принятіе *цз*, а въ другое требовалъ его измѣненія.

Есть много и двусложныхъ, вторые и въ кит. состоятъ изъ двухъ іероглифовъ: *хуанъ ди* государь, *дансэ* (даньцан) ревстръ,

хошань, хэшань бонь, *хюошунь* кит. сяошунь—(хяошунь) дѣтская почтительность, *цзиньунь* кит. *цзиньунь* почитать, *домъци* отъ *тинъ* *цзянь* слышать; *коом* (м. хооли), *цэ-ми* законъ, *кэши* (монг. кэшигъ, откуда и извѣстный монгольскій аймакъ кэшиктэнъ) милость, к. *хуйши*; *лугу* к.—*путоу* виноградъ.

Замѣчательно, что маньчжурское слово *чэсаньинь* (мг. цванги) офицеръ происходитъ отъ китайскихъ словъ: *чэсанъ инъ* — держащій печать, то-есть, савонникъ или чиновникъ, у котораго по должности всегда есть печать; дикари Маньчжуры у себя, конечно, не знали никакихъ чиновъ, но Китайцы давали тѣмъ изъ нихъ, съ которыми вступали въ сношенія, различныя титулы, и всегда при этомъ всучивали печать; названіе *чэсанъ инъ* при первыхъ порахъ династіи маньчжурской давалось первостепеннымъ чиновникамъ. Сверхъ того, въ самомъ маньчжурскомъ языкѣ нѣтъ объясненія этому слову. Однакожь мы видимъ, что послѣ Китайцы переписывали маньчжурскій чинъ *чэсанъ-ина* совсѣмъ другими іероглифами, чѣмъ тѣмъ, которыми пишутся слова: держать печать, то-есть, Китайцы не узнали въ маньчжурскомъ языкѣ своего собственнаго слова. Изъ этого ясно, какіе плохіе филологи Китайцы, и имъ ли было толковать о среднеазиатской филологіи; слѣдовательно, нельзя отвергать указываемаго нами сродства на томъ только основаніи, что Китайцамъ всего ближе было бы замѣтить сродство своего языка съ другими. Если въ прошломъ столѣтіи ученые Китайцы сдѣлали изъ Багдада Богдо, изъ Алималика Армуръ, изъ Иранъ Яланъ, то мы должны сказать спасибо, что Китайцы, не умѣющіе разработать и своего языка, не берутся за чужіе.

Но слова, мало измѣненныя, не представляютъ ничего особеннаго, и вторженіе ихъ изъ одного языка въ другой всеобщее; болѣе интересно наблюдать, какъ эти слова перерабатываются въ примѣненіи къ требованіямъ заимствовавшаго ихъ языка и кажутся его родными.

1) Мы находимъ въ маньчжурскомъ языкѣ китайскія слова, съ нарощеніемъ впереди гласныхъ: *ахунъ* отъ *хунъ* или *сюнъ* старшій братъ, *аминъ* отъ *минъ* гора (тиб. ла, монг. агула чит. ула), *али-мби* братъ, кит. *минъ* (тиб. лэнь, тат. ал-макъ) получать, *аня* (кит. нянь, монг. онъ) годъ, *или-мби* отъ *ли* стоять, *эчжэнь* отъ *чэжу* государь *мэжэми* отъ *цзи*, *чжи* замѣчать, *умэ* (чит. умо) отъ *мо* не (запретительное повелительное какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ), *жу* (монг. ябо) ходи (въ кит. *бу* шагъ); *яцинъ* кит. *цинъ* черный.

2) Передъ этими гласными являются въ свою очередь нарастанія въ согласнымъ *з*, *х*, *б* и проч.

Грѣхъ в. *жѣнь* любовь, *шунъ* в. *нянь* мысль, *шунъ* в. *цзѣнь* колодезь, *гѣсѣ* в. *сы* — подобный, *бодо* в. *ду* размышлять, *цацзѣ* кит. *цзѣнь* кончать, *мунѣ*—*хѣ* вода, рѣка, *хѣчѣнь*—кит. *чѣнь* городъ (к. хотѣнь, хотянѣ) *никанѣ*—кит. *ганъ* Китаецъ.

3) Иногда и послѣ гласныхъ съ нароженіемъ или безъ нароженія впереди согласныхъ вставляются еще й или согл. р. л: *айсимъ*—*цзѣнь* золото (*цзѣ* въ маньчж. постоянно переходитъ въ с), *айна*—*хо* чшани, *айфу-фу* нарушить обѣщаніе, *эахѣ*—кит. *хѣ* спокойный, *алахѣ*—кит. *хунъ* цвѣтоѣ, *албанъ-банъ* подать, дань (кит. очередь, назначенная насаламъ для приношенія дани), *ареунъ*—кит. *сунъ* ростовъ, *уксунъ* происходящій отъ царскаго рода, кит. *цзунъ*, *акдунъ-ду-дунъ* вѣрность, *окто* тѣварство отъ кит. *ду* (въ монг. *акта* жеребецъ, тиб. рта, въ тат. *акча* деньги—кит. *цянъ*; отъ этого же *цянъ* между тѣмъ другими путемъ образовались маньчж. *цзиха*, превратившееся въ монгольскомъ въ *чжоюсъ*,—русское *чозъ*—мѣдная монета. Нѣтъ сомнѣнія, что монг. *ордо*, тат. юртъ царское мѣстопробываніе, столица происходитъ отъ кит. *ду* столица).

Мы опасаемся здѣсь говорить кратко о такихъ словахъ, въ которыхъ корень китайскій представляется въ болѣе измѣненномъ видѣ; потому что, не пускаясь въ подробное объясненіе фонетики, мы показались бы преувеличающими дѣло; такъ, напримѣръ, мы не беремся здѣсь объяснять, какимъ образомъ монгольско-маньчжурское *арга* хитрость могло произойти отъ *фа*. Но мы должны замѣтить, что китайскій языкъ самъ по себѣ представляетъ такое странное родство буквъ, о которомъ не возможно сначала и подумать. Извѣстно, что одинъ іероглифъ берется тамъ часто для чтенія другаго, иногда съ тѣми же совершенно буквами, но иногда (я это во множествѣ случаевъ) съ буквами родственными; такимъ образомъ мы видимъ тамъ переходъ с въ ш, ш въ ч, ч въ чж, чж въ д, д въ ж; съ другой стороны, с является въ родствѣ съ х, з, к, ц, цз. Это показываетъ, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ составлялся сложный іероглифъ, онъ читался такъ, какъ та часть его, которая бралась для означенія чтенія; другими словами, что въ Китаѣ, съ древняго времени существовало множество нарѣчій, что подтверждается и древними памятниками, и настоящимъ состояніемъ разговорнаго языка китайскаго.

Но для примѣра мы позволимъ себѣ указать здѣсь только на возможность производить и такое маньчжурское слово, какъ *иланъ* три, котораго напрасно ищемъ въ другихъ извѣстныхъ намъ языкахъ, отъ китайскаго *санъ*—три. Въ китайскомъ языкѣ оказывается, что буквы

и и *цз* во многихъ іероглифахъ по звуку тѣ же, что и *л*, такъ что, напримеръ, іероглифъ *цзань* употребляется и для чтенія *лань*. Но это бы еще ничего; оказывается, что слова съ *цз* и *л* однозначущи, *цзань* и *лань* — оба значить видѣть, *цзинь* и *линъ* — собѣдъ; *цзюй* и *люй* — толпа, *цзъ* и *лъ* всѣ (изъ *цзъ* вышло маньчж. множественное число *сз*, изъ *лъ* татарское *ляръ*, *ларъ*, монг. *наръ*, *нэръ*, тибетское *намъ*). Въ Шидзинѣ слово рогъ читается *лу*, нынѣ тотъ же самый іероглифъ читается *цзѣ*. Китайскій іероглифъ (пропиской) *сань* три читается также *цз* и *чань* (три), а отсюда уже недалеко по приведеннымъ примѣрамъ дойти до *чань*. Возьмемъ еще въ примѣръ маньчжурское слово *мнени* — день; кажется, какое тутъ средство съ китайскимъ *жи*, — но вотъ предъ нами слово *чанамин* третьего дня; это уже легко сравнивать съ однозначущимъ китайскимъ *чаньмин* (и легко перешло въ *ч*); и дѣйствительно, въ тибетскомъ, родственномъ китайскому, *жи*, значущее и солнце, читается *мы*. Сличая отношенія китайскихъ корней съ измѣненіями ихъ въ двухъ, лежащихъ на противоположныхъ окраинахъ, языкахъ — тибетскомъ и маньчжурскомъ, мы находимъ, что китайскій звукъ *эрлз* — средство съ *мы*, а отсюда и съ *жи*. Всѣ слова, произносящіяся нынѣ *эрлз*, въ самыхъ китайскихъ лексиконахъ обозначены какъ читающіеся *ми*; нынѣ мѣстоименіе ты сохранило въ разговорѣ древнее чтеніе *ми*, но въ то же время, іероглифъ, показывающій его чтеніе, читается нынѣ *эрлз*, и есть другое древнее слово, читаемое нынѣ *эрлз*, значащее также ты; нынѣ два по китайски говорится *эрлз* (отсюда варіантъ *хлнѣ*), но классическое его чтеніе *ми*, и въ тибетскомъ языкѣ два — *мий*¹⁾.

¹⁾ Я давно уже пришелъ къ тому убѣжденію, что городъ Эрши въ Туркестанѣ, по имени котораго названъ знаменитый завоеватель западнаго края *Ли Гуанъ ли* Эршіискимъ, долженъ читаться *Нини*, и что, слѣдовательно, самое имя побѣдителя читается нами неправильно. Напрасно отыскивали бы мы городъ Эрши, но названіе Ниншбуръ, то-есть, Ниша или Нисапура, является на картахъ, только гораздо западнѣе того мѣста, въ которомъ мы его полагаемъ. Если такого города и не существовало восточнѣе, то это только служитъ доказательствомъ, какъ плохи еще наши историческія свѣдѣнія о вліяніи Китая на западъ въ эпоху I-го столѣтія до Р. Х. Это вліяніе, какъ и заимствованія отсюда, были гораздо сильнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Китайцы не любили западныхъ странъ; потому что ихъ самолюбіе оскорблялось мыслию сознать превосходство другихъ, подтверждавъ это сообщеніемъ о заимствованіи; притомъ еще династія, которая сочиняетъ исторію своей предшественницы, неохотно говорить о ея славіи. Поэтому, что мудренаго, что до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній о первыхъ сношеніяхъ Китая съ западомъ. Въ новѣйшее время китайскіе ученые предполагаютъ, что завоеванія Чингисъ-хана не заходили далѣе

Мы пустились; однакожь въ эти объясненія, чтобы здѣсь же доказать, что маньчжурское *мэ* (га, га, ро), которое приставляется къ глаголамъ для обозначенія подлежащаго, или опредѣляемаго, прибавляется и къ существительнымъ для превращенія ихъ въ прилагательныя (какъ выше: *эньдунинъ*, *юансиминъ*) — одно и то же, что китайское *чэа*, которое также означаетъ и подлежащее (тиб. *ми*, *монг. ану*), и прилагательное.

Но если китайское *ми* въ значеніи для перешло въ *ми*, а въ значеніи солнца въ *шунъ*, и если это видоизмѣненіе корня въ различнымъ значеніяхъ, въ различнымъ формахъ замѣчается не рѣдко (*мэ* и *фада-мби* чародѣйствовать), то должно думать, что такое вторженіе въ языкъ происходило неодновременно, и тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Одно значеніе сдѣлалось уже обродненнымъ, когда корень вносится новыми припѣльцами.

Уже вышеприведенныя нѣсколько словъ показываютъ, что кромѣ

Киргизскихъ степей; мы уже говорили, что они *Иранъ* превратили въ *Иланъ* (иланъ, зилан), а *Байдади* въ *Бидо*, и находятъ его въ Цзингаріи. Маньчжурской династїи, тяжело сознается, что она не такъ далеко зашла, какъ юаньская. Но только недавно я обратилъ вниманіе на знаменитый китайскій лексиконъ Эрля-Я. Лексиконъ этотъ считается самымъ древнимъ, чуть-ли не свыше 1.000 лѣтъ до нашей эры. Синологи, заглядывавшіе въ эту книгу, вѣрно сознаются, что ихъ перашло множество неизвѣстныхъ и неуотребительныхъ словъ. Съ перваго разу даже трудно добиться, о чемъ говоритъ эта книга, и когда она составлена. Но хоть и найдутся еще Европейцы, защищающіе эту китайскую древность, однакожь, сами ученые Китайцы сознаются, что редакція нашего лексикона поздняя, потому что въ нее вошли фразы, заимствованныя у позднѣйшихъ писателей. Мы находимъ въ ней такія слова, которыя доказываютъ, что эта редакція не могла быть ранѣ открытія Китаемъ западнаго края, прежде знакомства съ индійскимъ образованіемъ. Такъ говорится о *Ванъ му* — матери боговъ, жившей на западѣ, упоминается о мѣсяцѣ *Шушика*, носящемъ явно характеръ иностраннаго слова. Но положимъ, что книга составлена была ранѣ, а въ нее вошли позднѣйшія вставки. Однакожь что значить по китайскіи Эрля-я? Китайцы даютъ этому названію толкованіе: близкаго къ истинѣ. — Что за чушь въ названіи лексикона! — очевидно, что это натяжка, не имѣющая смысла. Но если читать вѣсто Эрля-я — *милъ*, то это слово напоминаетъ санскритское *милъ* — названіе вѣдѣстной философской школы, отличавшейся анализомъ. Разсматривая составъ лексикона, находимъ, что онъ синонимическій, начинается съ опредѣленія — какими словами выражается слово: начало. Немножко приходитъ на мысль, что китайскій лексиконъ Эрля-я есть, можетъ-быть, только простой переводъ какого-нибудь древняго санскритскаго лексикона, — оттого авторъ и долженъ былъ прибѣгать и къ выдумкѣ новыхъ словъ, и къ приданію существовавшимъ не принадлежащаго имъ смысла.

нарастаѣи спереди китайскаго корня, происходящаго и измѣненіе его въ окончаніи (чжу-эчжень, цзы-цзюй, цзинь-цзи и т. д.)—*битъэ* книги (монг. битинъ, тат. бит-макъ) происходитъ отъ китайскаго би кистъ, которою пишутъ. Между прочими измѣненіями въ окончаніяхъ мы будемъ говорить здѣсь, какъ о болѣе характеристичной, о приставкѣ къ китайскому корню (иногда въ измѣненномъ за то окончаніи) буквы р, предшествующей и послѣдуемой гласными, въ свою очередь предшествующими и послѣдуемыми согласными. Мы беремъ прежде всего слово персикъ, такъ какъ извѣстно, что Китайцы познакомились съ нимъ во II вѣкѣ до Р. Хр. въ Туркестанѣ, и только чрезъ Китайцевъ узнали его Маньчжуры. По китайски персикъ *тао*, по маньчж. *торо*. На этомъ основаніи мы легко убѣждаемся, что и *дао* путь слышно въ маньчж. *доро* (монг. туру), го государство въ *зурунъ*, му видъ въ *мурунъ*, хай вредъ въ *хоро* (монг. хооръ), изъ раздѣленіе въ *юро* далай; идемъ далѣе: — *фу* въ *фучжур* и *хуру* счастье, богатство, *шэнь* духъ въ *эндур*. Это отбрасываніе *и* отъ китайскаго корня наводитъ насъ на мысль, что маньчжурское—*эринъ* время едва-ли не происходитъ отъ кит. *ши*. По этому производству и *оронъ* мѣсто, прежде всего означавшее мѣсто, занимаемое созвѣздіями, происходитъ или отъ кит. слова *су*—созвѣздіе или *шу* мѣсто,—мѣсто, въ которое вставляется ножка двери. Отсюда происходятъ монгольскія слова *урунъ* и *дорона-изунъ* востокъ и западъ. (Такимъ образомъ, *э* есть остатокъ отъ кит. слова *дунъ* востокъ; а *у* сокращеніе изъ *си* западъ. Слова *Иранъ* и *Туранъ* не отсюда ли должны быть объясняемы?) *Судур* исторія (монг. судуръ) едва-ли еще происходитъ отъ санскритскаго *сутра*, а не прямо отъ китайскаго *ши*.

Для насъ всего интереснѣе, конечно, будетъ производство *моринъ*, откуда нашъ меринъ, отъ китайскаго слова *ма* лошадь. При этомъ мы замѣчаемъ, что такіа окончанія болѣе свойственны маньчжурскому, а не монгольскому языку, то-есть, что уже чрезъ маньчжурскій языкъ вошли въ монгольскій, а не прямо заимствованы послѣднимъ изъ китайскаго. Что это немудрено объяснить, стоитъ только припомнить, что Чингисханову владычеству предшествовало владычество маньчжурскаго Агуды.

Другое не менѣе интересное для насъ слово будетъ маньчжурское *батуру*, превратившееся въ монгольскомъ въ *баладуръ* (о томъ, какъ явился складъ *аа*, будетъ говорено ниже), а у насъ являющееся въ обонхъ видахъ (батыръ и богатырь). И здѣсь тоже должно замѣ-

тить, что по окончанію *муру*, свойственному маньчжурскому языку, *баидуръ*, заимствовано изъ послѣдняго, и потому заимствователями разнесено по всему свѣту вмѣстѣ съ побѣдами. Что же значить кит. корень *ба*—(замѣтимъ, что и въ тиб. богатырь *ба* *дба*)? Ба значить держать крѣпко (монг. *бариху*, маньчж. *бахамби*), вырывать, прегрѣждать (плотина), вабить и проч.; вообще всѣ слова въ кит. относящіяся къ звуку *ба* означаютъ силу, вѣсміе, твердость. Отсюда же можно объяснить и турецкое *бай* (монг. *баинь*) богатый; хотя нынѣ на китайскомъ языкѣ богатый выражается словомъ *фу*, но фонетическая группа этого звука предлагается и къ словамъ, читающимся *ба*; сверхъ того, очень немудрено, что и слово отецъ *фу* (тиб. *па*) читалось хоть въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ *па* и *ба*. Но намъ кажется, что и не надобно пускаться такъ далеко въ филологическія изысканія о словѣ *ба*: оно на востокѣ сдѣлалось знаменитымъ историческимъ названіемъ героя, воспоминаемаго и донынѣ въ китайскомъ народѣ. Это былъ Сянъ цан, уничтожившій окончательно династію Цинь (основанную—Цинь ши хуанъ ди), распоразавшійся всѣмъ Китаемъ, но послѣ погибшій отъ китраго Лю банъ, основателя Ханьскаго дома. По китайскимъ понятіямъ названіе *Ба* съ этого времени дается тому царю, который приобрѣлъ власть не добродѣтелями, но силою оружія.

Европейцы переводятъ это *ба* словомъ *деспотъ*, но ему болѣе соответствуетъ первоначальное значеніе слова: герой, императоръ. Такимъ образомъ, звукъ *ба* могъ войти въ маньчжурскій языкъ не только въ главномъ, отвлеченномъ его значеніи, но и съ воспоминаніемъ о храбростѣ императорѣ. Что же касается до того, что слово *батуру* нынѣ не имѣетъ важнаго значенія, такъ мы увидимъ ниже, что и другія китайскія титула: *Цзайсанъ*, *тай им*, означающія въ Китаѣ первыя чины имперіи, тоже нынѣ въ средней Азіи придаютъ незначительнымъ личностямъ.

Мы не знаемъ особенностей киданьскаго языка, почитаемаго посредствующимъ между монгольскимъ и маньчжурскимъ; можетъ-быть, и въ немъ уже было окончаніе *р* съ гласными впереди и послѣ. Что касается до происхожденія этого самаго окончанія, то оно объясняется простонароднымъ китайскимъ языкомъ, въ которомъ ко многимъ словамъ прибавляется суффиксъ *эрлэ* (еще *цан* и *тоу*)—и теперь еще говорятъ *таормэ*, *мао-рлэ* и проч. Маньчжурскій языкъ не терпитъ двухъ согласныхъ *да* и гласныхъ вмѣстѣ; потому онъ или